

О МИРОВОМ ПОРЯДКЕ XXI ВЕКА*

Владислав Иноземцев, Сергей Караганов**

Природа современного кризиса

Во второй половине XX века радикально изменились как сама система международных отношений, так и традиционные представления о базовых принципах ее организации. Итогом Второй мировой войны, самого масштабного вооруженного конфликта в истории человечества, стало противостояние коммунизма и капиталистического мира, основанное на принципе баланса сил. Сложившаяся биполярная система породила и своеобразный баланс слабости: стремясь заручиться как можно большей поддержкой, каждая из сторон закрывала глаза на недостатки и даже пороки своих союзников.

Соперничая не только друг с другом, но и с традиционными колониальными державами, Соединенные Штаты и Советский Союз содействовали деколонизации и, не останавливаясь перед выхолащиванием смысла понятия «суверенитет», способствовали распространению принципа суверенитета на мировую периферию. В период становления биполярного мира (1947 - 1962) к пятидесяти независимым странам, существовавшим к концу Второй мировой войны, присоединились еще сто «суверенных» государств, большинство из которых вряд ли имели право и основания считать себя таковыми. Однако реалистично оценить Третий мир, стремительно образовавшийся рядом с Первым миром и Вторым, не позволяли принципы «политической корректности» послевоенной эпохи. Среди них выделялись постулаты, провозглашавшие «право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания национального государства», а также «незыблемость государственного суверенитета».

Принцип суверенитета, использовавшийся в качестве оружия в противоборстве сверхдержав, не был отброшен и после победы одной из них. За время распада биполярной системы (1989 - 1998) мировое сообщество пополнилось еще несколькими десятками «суверенных» субъектов, степень жизнеспособности многих из которых еще предстоит определить. При этом выигравшие холодную войну Соединенные Штаты как адепт свободы, демократии и прав человека, привнесли в мировую политику новые «политкорректные» постулаты, провоз-

* Материал перепечатан из журнала «Россия в глобальной политике», Т. 3, № 1, январь-февраль, 2005г. Статья была подготовлена и опубликована до референдумов по европейской конституции во Франции и Нидерландах. Отрицательные итоги референдумов делают спорными некоторые тезисы авторов и показывают неоднозначность многих прогнозов касательно мирового порядка XXI века и процессов европейской интеграции.

** *В.Л.Иноземцев* - д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, главный редактор журнала «Свободная мысль-XXI». *С.А.Караганов* — д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике». Параллельно англоязычная версия этой работы публикуется в журнале *The National Interest* (США). Статья обсуждалась на рабочей группе СВОПа, взгляды участников дискуссии учтены и обогатили материал.

глашавшие демократию панацеей при решении всех социальных и экономических проблем и ставившие во главу угла «демократизацию мирового порядка».

Однако на рубеже XX и XXI столетий становится очевидным: суверенитет отдельных государств несовместим с международной демократией, предполагающей подчинение в той или иной форме меньшинства большинству. Доктрина соблюдения прав человека отказывает попирающим их правительствам во внутренней и внешней легитимности. Отсутствие демократических порядков внутри отдельных стран, их неспособность к социальному и экономическому развитию заставляют усомниться в способности таких наций реализовывать свои суверенные права.

В последнее время многие ученые и политики приходят к выводу о том, что «падающие» (*failing*) или «несостоявшиеся» (*failed*) государства составляют большую часть Третьего мира и значительную часть бывшего Второго мира, что эти страны не способны к самостоятельному развитию и представляют собой серьезную угрозу международной стабильности. Драматизм ситуации осложняется двумя немаловажными обстоятельствами.

С одной стороны, прежняя «интегральная» концепция суверенитета постепенно начинает уступать место принципу «ограниченного» суверенитета, основанному на делегировании ряда полномочий и функций наднациональным органам (например, взаимоотношения в рамках Европейского союза). С другой стороны, Организация Объединенных Наций, оставаясь самым авторитетным и представительным международным институтом, испытывает серьезное влияние со стороны падающих и несостоявшихся государств, которые составляют большинство ее членов. Таким образом, модификация вестфальской системы в XXI веке практически неизбежна. Этому процессу будут способствовать как добровольный отказ от суверенитета в части развитого мира, так и неготовность последнего признать суверенитет падающих или несостоявшихся государств, а также необходимость обеспечивать минимальные условия жизни людей на этих территориях, предотвращать распространение многих глобальных бед, в том числе терроризма. Прежде чем представить себе контуры мироустройства грядущих десятилетий, проанализируем основные черты современной реальности.

«Расколота́я цивилизация»

Рубеж между той частью мира, в которой всё чаще задумываются о возможном отказе от суверенитета, и той, где особое внимание уделяется его восстановлению и укреплению, одновременно во все большей мере превращается в границу между сообществами государств состоявшихся и несостоявшихся. Для многих квазигосударств и территорий она становится все более непреодолимой, превращаясь в водораздел между «центром» и «периферией», Севером и Югом, миром порядка и миром хаоса, постсовременным и современным (мы бы сказали, даже пресовременным) миром. Раскол существующей цивилизации становится одной из определяющих черт нашего времени.

Демографический взрыв в Третьем мире увеличил численность населения несостоявшихся государств и усугубил их положение. Правда, отдельные страны, такие, например, как Китай и Индия, сумели, проводя разумную политику, воспользоваться преимуществами глобализации и стать на путь устойчивого развития. Однако значительная часть государств, находящихся вне пределов территории, обозначаемой как «расширенный Запад» (*extended West*), являются источниками большинства нынешних глобальных проблем - политических, социальных, экономических и даже экологических.

Это обстоятельство ставит в тупик многих наших современников. Те, чье мировоззрение сложилось в 1960-е и 1970-е годы, кто был воспитан на идеях равенства и прогресса, не могут смириться с провалом концепции «развития», однозначно рисовавшей перед новыми независимыми странами перспективу экономического роста и политической стабильности. Неудачи развивающихся стран подпитывают всевозможные теории «вины» бывших метрополий за нынешнее положение периферии, концепции «долга за политику колониализма», сторонники которых считают, что отсталость может и должна преодолеваться путем предоставления разного рода помощи.

Настало время отказаться от подобных подходов. Конечно, проводя колониальную политику, ведущие державы преследовали прежде всего собственные эгоистические интересы. Но во многих случаях (хотя, разумеется, имелись и исключения) европейская колонизация явилась фактором экономического и социального прогресса, что не принято признавать в рамках новой «политкорректности». При всей своей противоречивости европейское колониальное присутствие в Азии, Африке и Латинской Америке способствовало ознакомлению местного населения с новыми технологиями, освоению более совершенных методов организации труда, повышению образовательного уровня, приобщению к элементам европейских ценностей. Там, где период колонизации был достаточно длительным, а уровень цивилизационного развития до прихода европейцев - относительно высоким, последствия оказались скорее положительными (например, Индия или Малайзия). Там же, где колонизация была слишком кратковременной, чтобы ее позитивные стороны могли породить устойчивый эффект, европейская цивилизация не прижилась, а примитивные культуры в значительной степени подверглись разрушению (так произошло в большинстве стран тропической Африки). В подобной ситуации на первый план вышли негативные стороны колониального присутствия. Враждебность к колонизаторам и бедность местных культурных традиций воплотились в усилиях по созданию так называемой «новой идентичности» - деградирующей, показной и в большинстве случаев основанной на диктатуре.

Последние десятилетия богаты примерами неприятия западных ценностей и образа жизни в развивающихся странах, стремящихся замкнуться в своей отсталости. Подобные примеры особенно многочисленны в Африке и Азии, но весьма заметны и на территории бывшего Советского Союза: среднеазиатские (ныне центральноазиатские) республики, жившие на

протяжении десятилетий за счет ресурсов, технологий и интеллектуального капитала России, сегодня представляют собой сырьевые экономики с полуфеодальной политической системой. Губительные попытки отвергнуть ценности современной цивилизации, стремление к самоизоляции характерны и для части российского политического класса.

Низкий человеческий потенциал падающих или несостоявшихся государств, авторитаризм их правителей, а также и порожденное глобализацией серьезное обесценение ресурсов при одновременном возрастании значения технологий и знаний сводят к нулю шансы самостоятельного развития этих стран. Более того, гуманитарная помощь, оказываемая западными странами, как правило, развращает население и власти падающих или несостоявшихся государств, не способствуя модернизации их экономик и общественных структур, порождая иждивенчество и коррупцию. Похожий эффект вероятен и в случае предоставления этим странам каких-то специальных торговых преференций. Все дело в том, что основу их экспорта составляют сырьевые товары, а история не знает примеров успешной структурной перестройки сырьевых экономик в условиях высоких мировых цен на ресурсы (на примере собственной страны мы видим, насколько опасен комплекс «получателя гуманитарной помощи», не говоря уже о нефтяной зависимости, схожей с наркотической).

Опыт небольшого числа «новых промышленных стран», вырвавшихся из западни экономической деградации, также свидетельствует о том, что в современном мире единственный способ достичь хозяйственного успеха - это принять порожденные глобальной экономикой правила игры и взять курс на интеграцию в сообщество государств, разделяющих идеалы и ценности западной цивилизации. Между этими новыми промышленными странами и западными державами устанавливаются отношения партнерства, и сегодня от «центра» требуется всестороннее содействие успешному росту этой части «периферии» - не посредством все более интенсивной деморализующей «помощи», а путем открытия перед ней своих рынков, поддержки развития ее человеческого капитала, интеграции ее в свои политические и экономические структуры.

Однако постепенное приобщение части «периферии» к «центру» не меняет общей картины, особенно в тех регионах, где почти отсутствуют прецеденты успешного «догоняющего» развития, - в Африке и на «расширенном» Ближнем Востоке. Бросаются в глаза непреодолимая отсталость этих регионов, стагнация и даже деградация человеческого капитала, безрассудство и безответственность властных элит, готовых винить в своих бедах кого угодно, но только не собственные некомпетентность, корыстолюбие и коррумпированность. Эта часть «периферии» выступает в качестве источника основных экологических проблем; здешний регресс обостряет проблему мирового неравенства; творимое здесь насилие оборачивается миллионными толпами беженцев и переселенцев; дезориентированные молодые поколения становятся благодатной питательной средой для распространения экстремистских и террористических идей.

Управление протекающими в этой части мира процессами, установление над ними минимального контроля - залог укрепления столь необходимой для мирового развития политической стабильности. Это позволит модернизировать сами отстающие страны и регионы, снизить глобальную напряженность, заполнить «вакуум безопасности», а также осуществить давно назревшее реформирование унаследованной от холодной войны системы международных отношений.

Действующие системные инструменты мирового порядка

Сложные исторические перипетии послевоенной эпохи обусловили высокую степень неструктурированности современной системы международных отношений. В наибольшей мере эта неструктурированность была порождена тремя обстоятельствами. Во-первых, продолжительной подчиненностью всех политических процессов задачам холодной войны. Во-вторых, резким ростом влияния экономических факторов в глобальной политике. И, в-третьих, сокращением возможности использования традиционной военной силы в конфликтных ситуациях. Все эти обстоятельства не были адекватно оценены и не получили отражение в сложившейся ныне системе международных институтов.

Существенная сторона процессов, связанных с первым обстоятельством, нашла наиболее полное выражение в эволюции роли и значения Организации Объединенных Наций, созданной вскоре после окончания Второй мировой войны и насчитывавшей 50 государств-членов. Структура ООН изначально не предусматривала широкого демократического участия множества новых стран, обретших независимость в последующие десятилетия. Совет Безопасности «разлива 1945 года», в котором обе сверхдержавы - СССР и США, две колониальные метрополии - Великобритания и Франция, а также Китай (до 1971-го его представляло бежавшее на Тайвань правительство Гоминьдана) имели право вето, выступал, по сути, инструментом легитимизации биполярной системы. Будучи ее своеобразным дополнением, ООН не смогла добиться создания системы коллективной безопасности, сформировать эффективные международные вооруженные силы, способные не только поддерживать, но и навязывать мир, предотвращать конфликты, противодействовать распространению оружия массового уничтожения (ОМУ). За всю историю ООН решения Совета Безопасности лишь трижды (в Корее в 1953 году, в Конго в начале 1960-х и в Кувейте в 1990-м) воплотились в конкретные действия по наказанию агрессора.

За прошедшие годы ООН обросла массой организаций и агентств. Некоторые из них, такие, как Всемирная организация здравоохранения, Международное агентство по атомной энергии, Всемирный банк и ряд других, весьма полезны, тогда как большинство их бюрократизировались или же, как, например, регулярная Специальная сессия Генеральной Ассамблеи, работающая над совместным решением проблемы наркотиков, занимаются бесполезными дискуссиями. Те же структуры ООН, которые сформировались в 1945 году, но, как позд-

нее выяснилось, «не принимали во внимание» право народов на суверенитет, оказались недейственными (например, Военно-штабной комитет) или были фактически распущены (в том числе Комитет по опеке, упраздненный в 1994-м). В ее нынешнем виде Организация Объединенных Наций сохраняет свое значение как уникальный и универсальный инструмент диалога, однако на практике она не только лишена возможности вмешиваться в международные конфликты, но и зачастую препятствует формированию институтов, способных эффективно решать возникающие проблемы. ООН подошла к рубежу, на котором необходим «ремонт» ее структуры, причем отнюдь не косметический. Попытки реформировать организацию пока не очень успешны. В этом убеждает анализ доклада Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, представленного в конце 2004 года. (См. также заслуживающую внимания статью российского члена этой группы академика Евгения Примакова «ООН: вызовы времени» в журнале «Россия в глобальной политике». Т. 2, № 5, сентябрь - октябрь 2004 г., с. 68-76.)

Доклад, безусловно, заслуживает отдельного глубокого обсуждения, однако он не уменьшил ощущение того, что и в экспертной среде наблюдается острый дефицит новых идей.

Второе обстоятельство, обусловившее высокую степень неструктурированности современной системы международных отношений, связано с нарастающей глобализацией мировой экономики, которая придает политическое измерение, казалось бы, сугубо хозяйственным проблемам. В новых условиях выявилась неспособность к эффективному функционированию политических институтов, сформированных еще в то время, когда никто не мог даже помыслить ни о диктате цен на сырье со стороны международных картелей, ни о возможности банкротства суверенных заемщиков, ни об образовании регионов свободной торговли, ни тем более о единых валютных зонах, охватывающих несколько национальных экономик. Преодоление экономических кризисов и финансовых катаклизмов напрямую связано с теми или иными формами краткосрочного (а возможно, и продолжительного) ограничения столь важного фактора в системе международных институтов, как национальный суверенитет. Однако правомерность подобного ограничения нынешней теорией международных отношений практически не признается. Наиболее очевидным примером того, как экономическая глобализация трансформируется в политическую интеграцию, выступает Европейский союз. Успех относительно скромного проекта объединения угольной и сталелитейной индустрии Франции и Германии привел в свое время к созданию Европейского экономического сообщества, превратившегося спустя несколько десятилетий в сегодняшний ЕС, самый сложный политический организм в человеческой истории. Это уникальное политико-хозяйственное образование доказывает не только экономическую эффективность, но и социальную благотворность интеграции, порождающей относительно справедливое и вполне конкурентоспособное общество. Одновременно мы становимся свидетелями того, как процесс абсолютно добровольного ограничения суверенитета включает в себя все большее число участников. При этом объединенная Европа демонстрирует новый вариант экспансионистской политики - пожалуй, наиболее

эффективный и социально приемлемый из всех, какие только знала история.

Наконец, третье обстоятельство, обусловившее неструктурированность современной системы международных отношений, - сокращение возможности использования традиционной военной силы в конфликтных ситуациях. В условиях нарастания глобальной нестабильности, весьма заметной после завершения холодной войны, дезориентирован и наиболее мощный международный военно-политический альянс - НАТО. Выполняя на протяжении сорока лет задачи стратегического сдерживания в Европе, НАТО продемонстрировала свою неспособность наказать агрессоров, нанесших 11 сентября 2001 года удар по Соединенным Штатам, а два с половиной года спустя - по Европе (взрывы поездов в Испании). За последнее десятилетие альянс включил в себя более десятка новых членов, но так и не переосмыслил основные элементы своей стратегии, *de facto* раскололся в связи с военной операцией в Ираке и более чем осторожно рассматривает возможное расширение своей зоны ответственности.

Подытоживая, можно без преувеличения сказать, что в политическом и военном отношении современный мир разделен на «центр» и «периферию» - точно так же, как в экономическом и социальном плане. Важная отличительная особенность заключается в том, что Соединенные Штаты (представляющие развитый мир), а также Россия и Китай (со стороны развивающихся стран) сохраняют верность традиционной политике баланса сил, тогда как европейские государства привержены методам экономического влияния, военного невмешательства и политического нейтралитета. Различия между тем, что всё чаще называют соответственно современной и постсовременной политикой, становятся все разительнее. Но ни та, ни другая модель пока не способны предложить рецепты преодоления глобального беспредела.

Что нас ожидает?

В условиях все большей непредсказуемости глобальных процессов, усугубления уже стоящих перед человечеством и появления новых проблем ни одно из национальных государств не способно в одиночку гарантировать собственную безопасность. Если тот или иной регион окажется втянутым в серию разрушительных конфликтов, их негативное влияние неизбежно распространится и на остальные, в том числе и более благополучные, страны и регионы. Именно поэтому сегодня важно оценить возможные варианты развития мировой политической архитектуры и определить наиболее приемлемые (или, по меньшей мере, наименее катастрофичные) из них.

Все ныне имеющиеся концепции относительно того, как в дальнейшем будет или должен эволюционировать мировой порядок, можно разделить на три большие группы.

Первую группу составляют сценарии, в основе которых - осмысление мира в сравнительно привычных категориях центров силы, или «полюсов», хотя содержания этих концепций весьма (а порой и радикально) отличаются друг от друга.

Так, после окончания холодной войны широкое распространение (особенно в США) по-

лучила идея о том, что на планете надолго установился *однополярный* мир, *de facto* управляемый Америкой. Сторонники данной идеи исходят из того, что Соединенные Штаты, находящиеся в расцвете своего могущества, во все большей степени реализуют стратегию односторонних действий, а немалая часть американских политиков и экспертов уже вовсю воспевают мощь и величие новой Империи. Их оппоненты, правда, указывают на то, что перенапряжение сил единственной сверхдержавы неизбежно. Кроме того, с подобным развитием событий никогда не согласится большинство членов мирового сообщества, которые непременно начнут стремиться к совместному противостоянию глобальному гегемону. Более существенным, однако, нам представляется не то, к каким последствиям может привести воплощение в жизнь такого сценария, а то, что сам он основан на сомнительных предпосылках и самообмане. Да, сегодня Америка - мощнейшая экономическая держава. Но ее относительная мощь серьезно уступает уровню конца 1940-х - начала 1950-х или начала 1920-х годов. Беспрецедентный на первый взгляд военный потенциал США на поверку оказывается крайне ограниченным, о чем свидетельствуют попытки стабилизировать ситуацию в ряде регионов планеты. Политического влияния Вашингтона также недостаточно для того, чтобы эффективно купировать самые опасные процессы в современном мире. Чего, например, стоит неспособность США не только предотвратить обретение ядерного оружия Индией и Пакистаном, но и воспрепятствовать развернутой Исламабадом активной торговле компонентами ОМУ и технологиями его производства! При всем своем могуществе Америка бессильна и в том, что касается разрешения одного из ключевых конфликтов современности - арабо-израильского.

Противники американской гегемонии стремятся к созданию альтернативной модели и выступают за *многополярный* мир. Но такая точка зрения нереалистична и старомодна, так как современный мир невозможно свести к совокупности уравнивающих друг друга центров силы. Как и концепция восстановления противовеса Соединенным Штатам, эта идея не направлена на решение новых глобальных проблем, и даже семантика самого термина «многополярность» подразумевает нацеленность не на сотрудничество, а на соперничество в международных делах. Наиболее последовательными приверженцами этой концепции являются ныне Китай и Франция. Россия подвержена их влиянию и колеблется в определении собственного курса, что иногда сказывается в ее раздражении высокомерием Вашингтона. Однако в последнее время российские руководители предпочитают использовать термин «многовекторность», не имеющий четкой политической (и тем более антиамериканской) окраски. Такой подход отражает приверженность прагматической политике перманентного лавирования. Оно неизбежно в быстро меняющемся мире, где постоянные союзы и ориентации невозможны да и нежелательны. Это особенно существенно для такой страны, как Россия, позиции которой временно ослаблены и которая к тому же оказалась на линиях разлома между богатыми и бедными странами, между переживающей упадок великой исламской цивилизацией и цивилизациями пока что более успешными. Однако многовекторность остается не столько концепцией миро-

порядка, сколько способом до поры до времени воздержаться от выбора.

Сколь различными ни казались бы идеи однополярного и многополярного мира, обе они базируются на общей предпосылке: каждая страна или группа стран проводит ту или иную политику, исходя из своего отношения к другим странам. Подобная идеология кажется нам отжившей и малоперспективной.

Сторонники концепций, которые условно можно объединить во *вторую группу*, призывают отказаться от стремления к балансу сил в пользу создания некоей парадигмы *управляемости* мира. Наиболее последовательные из них отстаивают идею мирового правительства. Однако эта идея теряет свою популярность по мере того, как увеличивается число падающих государств, снижается роль ООН, усугубляется неспособность сторонников «вашингтонского консенсуса» построить систему эффективного наднационального управления хотя бы в сфере международных экономических процессов, а также повсеместно нарастают националистические и сепаратистские тенденции. Единственным, но крайне важным исключением на этом фоне выступает Европейский союз. При всех очевидных проблемах (неповоротливость европейской бюрократии, несопоставимость внешнего влияния ЕС и его экономического и социального потенциала и пр.) объединенная Европа - успешный «пилотный проект» мирового правительства. Хочется верить, что этот проект выживет, не утонув в историческом водовороте.

Успех европейского эксперимента подпитывает еще одну концепцию, адепты которой выступают за «усеченный» вариант мирового правительства, но, по сути, призывают к «отгораживанию» «центра» от «периферии». Исходя из соображений политической корректности, мало кто решается открыто сформулировать эту идею. Однако элементы такого подхода просматриваются в политике развитых стран, которые, провозглашая необходимость содействовать развитию, на деле сокращают помощь, по сути, уходят из нищающей и деградирующей Африки, преуменьшают опасности распространения ОМУ. Даже Европа, остающаяся крупнейшим источником гуманитарной помощи, все больше концентрируется на собственных проблемах и на ситуации в сопредельных государствах в ущерб своей международной политической активности. Эскапизм развитых стран еще более явно проявляется в курсе, проводившемся по отношению к «расширенному» Ближнему Востоку. Проблемы, которые накапливались там десятилетиями, предпочитали не замечать, как игнорировали и чудовищные войны в Африке.

Политика, основанная на подобном подходе, вряд ли может лечь в основу эффективного управления миром. Практика показывает, что отстающие страны, как правило, не способны самостоятельно выйти из пике и в них рано или поздно вызревают проблемы, выплескивающиеся во все остальные регионы, - от терроризма и распространения оружия массового уничтожения до разрушения локальных экосистем и возникновения масштабных эпидемий.

Неэффективность обеих рассмотренных концепций управляемости мира - формирования мирового правительства и «отгораживания» - подталкивает к разработке третьей парадиг-

мы глобального управления. Суть ее состоит в следующем: передовые и наиболее мощные нации должны навязать неблагоприятным государствам элементарный порядок. Такое управление может иметь два уровня - спорадический и коллективный.

Спорадическое управление. Неспособность какого-либо из государств или квазигосударств обеспечить на своей территории соблюдение минимальных прав граждан дает основание навязать ему «внешнее управление». Оно осуществляется посредством «гуманитарной интервенции» с последующим отторжением части территории или полной оккупацией миротворческими силами (в качестве примера могут служить опыт НАТО в бывшей Югославии, действия России в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии, а также силовое вмешательство ряда европейских стран в дела их бывших колоний в Африке). События последних десятилетий свидетельствуют о том, что странам «центра» придется все чаще использовать этот крайне неоднозначно воспринимаемый инструмент управления. Препятствием на пути его применения является отсутствие механизма его легитимации, что порой превращает такое управление в очередной источник хаоса, соперничества и взаимных подозрений. Вот почему подобная политика, на наш взгляд, должна проводиться от имени международного сообщества - возможно, через воссоздание института подопечных Организации Объединенных Наций территорий, управляемых по мандату великими державами или их группами. (Правда, доклад Группы высокого уровня ООН предлагает окончательно похоронить идею ооновского Комитета по опеке; при этом не совсем ясно, чем руководствуются авторы доклада.) Неизвестно также, хватит ли у ведущих и наиболее продвинутых демократических государств воли для воплощения в жизнь такой политики. Весьма вероятно, что нет, особенно в уставшей от войн и колониальных коллизий Европе.

Коллективный вариант предполагает создание нового «концерта наций», преследующего вышеописанные цели, но действующего более масштабно - путем открытого доминирования в мировом сообществе группы ведущих, наиболее мощных государств. Совместно они способны диктовать мировому сообществу свою волю и противодействовать нарастанию хаоса как напрямую, так и через международные организации. Эта концепция представляется нам наиболее адекватной и последовательной, хотя и труднореализуемой. Ее главное преимущество заключается в том, что она подразумевает сотрудничество ведущих государств, которые контролируют большую часть мирового валового продукта, производят основные новые технологии и располагают рычагами, несоизмеримыми с потенциалом любой из возможных коалиций. Выработка этими странами стратегии коллективных действий стала бы впечатляющим прорывом в сфере международных отношений. Однако институциональная основа подобной парадигмы (контуры которой неявно просматриваются в идее «большой восьмерки» и которая угадывается в отдельных действиях Совета Безопасности ООН) выглядит пока крайне неопределенной.

Наконец, существует **третья группа** концепций, которые мы охарактеризовали бы как

маргинальные по причине обреченного пессимизма одной их части и ни на чем не основанного оптимизма другой.

Пессимисты констатируют: мир сползает к пропасти глобального хаоса, противостоять которому невозможно. Хаотизация пугает многих, опасения особенно возросли после того, как лидер современного мира - Соединенные Штаты - серьезно подорвал свою мощь вторжением в Ирак. В результате неразумного применения военной силы Вашингтон вместо продвижения к однополярному миру поставил под вопрос свое влияние, сделав огромный шаг в сторону мира «бесполярного» - хаотичного и неуправляемого.

Примером противоположной, преувеличенно оптимистической, точки зрения на развитие ситуации в будущем является сценарий, который весьма популярен среди американских экспертов. По их мнению, залогом мира и стабильности станет демократизация все новых и новых стран, поскольку демократии, мол, не проводят агрессивной, воинственной политики. Однако данный постулат применим лишь к либеральным демократиям и не имеет никакого отношения к демократиям нелиберальным, а только они и могут возникнуть в результате искусственной (насильственной) демократизации. Принцип народовластия не приживается в бедных традиционалистских обществах. Ускоренное навязывание формально демократического способа правления, скажем, в Китае, Саудовской Аравии да и в том же Ираке может серьезно подорвать международную стабильность. И уж совсем безответственной глупостью выглядит идея дальнейшей «демократизации» международных отношений, способной лишь усилить влияние несостоявшихся государств.

Что делать?

Из вышеперечисленных концепций будущего миропорядка самой перспективной нам представляется та, что основана на идее коллективного управления, осуществляемого группой ведущих демократических государств. Будучи сторонниками этой идеи, авторы, тем не менее, не стремятся отринуть все прочие доктрины мироустройства, выступая за создание синтетической концепции, которая учитывала бы недостатки каждого из изложенных подходов и оказалась бы приемлемой для большинства субъектов мировой политики. Подобная концепция должна быть направлена на достижение ряда важных целей. Это - повышение степени управляемости международной системы, предотвращение распространения ОМУ и снижение риска его применения, борьба с терроризмом, создание условий для экономической и социальной модернизации, а на ее основе и демократизации развивающихся стран, а также расширение пространства стабильности и развития, ограниченного ныне странами «центра». Формирование на этой основе более стабильной и управляемой международной системы откроет перспективы и перед отстающими государствами, создаст хотя бы теоретические предпосылки для их поступательного движения. Если же продолжится нынешнее сползание к хаосу, таких шансов у них просто не будет.

Реформирование системы глобальных институтов должно, на наш взгляд, начаться с создания новых международных структур, координирующих взаимодействие между странами «центра». Следующий этап - это их сосуществование и конкуренция с уже имеющимися институтами, в процессе которой круг участников новых структур постепенно расширяется. Наконец, формируются институты, оптимально отвечающие стоящим в повестке дня задачам.

На первом этапе возможности и ресурсы, находящиеся в распоряжении развитых стран, должны использоваться в целях выстраивания «центра» как союза, эффективно влияющего на «периферию», делающего ее более управляемой и распространяющего на нее принципы, принятые во взаимоотношениях между самими странами «центра». Сегодня отсутствует четкое ядро, вокруг которого мог бы начаться процесс консолидации, - то ли это «пятерка» постоянных членов Совета Безопасности ООН (возможно, расширенная), то ли «восьмерка» (возможно, также расширенная). Наиболее реалистичен компромиссный вариант: «центр», скорее всего, составят Соединенные Штаты, Европейский союз, Япония, Россия и, может быть, Китай и Индия, как страны, уверенно продвигающиеся по пути развития, заинтересованные в стабилизации международной ситуации и обладающие значительными ресурсами.

Первоначально всем этим странам предстоит заключить между собой ряд соглашений, определяющих их общую позицию в отношении глобальных социальных проблем и вопросов международной безопасности, и декларировать решимость бороться с опасными тенденциями мирового развития. Новая коалиция, или альянс, провозгласит свою верность идеалам, воплощенным в Уставе ООН, и приложит усилия к тому, чтобы действия Организации Объединенных Наций стали более эффективными и решительными.

Второй этап, наиболее сложный, будет включать в себя совокупность мер по реформе ООН, которую следует наделить адекватными властными полномочиями и силовыми структурами. Видимо, придется вернуться к исходному варианту Устава ООН, в котором не предусматривалось право наций на самоопределение, четко конкретизировать требования к государствам - членам Организации Объединенных Наций, а также прописать процедуру исключения или временной приостановки членства той или иной страны. В случае успеха такой реформы странам «центра» следовало бы создать объединенные вооруженные силы, действующие под эгидой ООН, но управляемые представителями великих держав. (В принципе такая возможность была заложена в Военно-штабном комитете ООН, но его тоже предлагают аннулировать.) В случае же провала реформы, представляющегося весьма вероятным, государства «центра» окажутся свободными от обязательств выполнять ряд решений, принимаемых в рамках Организации Объединенных Наций (что имеет место и сегодня, реализуясь через право вето), и смогут приступить к созданию коллективных военных структур и структур безопасности вне рамок ООН. В последнем случае логично предположить, что фундаментом таковых станут структуры НАТО, хотя это и потребует роспуска альянса и формирования на его основе новой военно-политической организации, не ограниченной пресловутой зоной

ответственности (чему давно пришло время).

По завершении второго этапа возникнет серьезная политическая и военная коалиция развитых стран. Для нее будут характерны ясные и открыто декларируемые принципы отношений с остальным миром. Применение силы станет возможным лишь в случаях, заранее оговоренных со всеми остальными субъектами международных отношений (например, покровительство террористическим организациям, массовые нарушения прав человека, геноцид, религиозные преследования, явная неспособность правительств контролировать ситуацию в пределах собственной страны). Это, с одной стороны, внесет в систему международных отношений больше определенности, сократив влияние на нее падающих и несостоявшихся стран, и, с другой стороны, укажет не входящим в коалицию государствам на четкие рамки свободы их действий по отношению к собственным народам, сопредельным странам и международным нормам.

На третьем этапе институционализация новых международных структур вступит в завершающую стадию. Страны «центра» получают реальную возможность формулировать свои требования (обусловленные не произвольной заинтересованностью, а задачами борьбы с теми или иными опасными глобальными тенденциями) к остальным государствам. Выполнения этих требований не следует добиваться силой оружия: главный инструмент давления на «периферию» - это условия экономического, технологического и информационного партнерства с «центром», которые могут быть более или менее благоприятными. Только в исключительных ситуациях, таких, как предотвращение гуманитарной катастрофы или помощь в отражении агрессии одного из «периферийных» государств против другого, развитые страны могут прибегать к использованию военной силы. Основная задача их союза - не покорить, а цивилизовать «периферийные» территории, помочь их народам достигнуть уровня развития, позволяющего им реализоваться в качестве полноправных суверенных государств. Лишь для некоторых падающих и несостоявшихся государств придется восстановить статус подмандатных территорий с внешним управлением, используя для этого нормы, подобные тем, что были прописаны в Уставе ООН.

Формирование стабильного союза развитых стран способно сыграть определяющую роль и в разрешении целого ряда застарелых конфликтов, в первую очередь арабо-израильского противостояния. Его затяжной характер и серьезность накопленных за десятилетия взаимных претензий не дает надежд на его преодоление без вмешательства сторонней силы, а возможно, и без возвращения части ближневосточных территорий под опеку великих держав. Необходимо и создание коллективных структур безопасности «расширенного» Ближнего Востока, где они могли бы сыграть положительную роль, подобную той, какую сыграла Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе в разрешении противоречий между странами западной и восточной частей континента.

Разумеется, обозначенные этапы - сначала «отгораживание» «центра» от «периферии»,

затем его самоорганизация и лишь после этого активное воздействие - весьма условны. Некоторыми проблемами падающих и несостоявшихся государств придется заниматься уже сегодня. Мы лишь попытались выделить приоритеты, важнейшим из которых является самоидентификация и самоорганизация «центра».

* * *

Мировой порядок XXI века не будет походить на прежний, столь привычный для политиков прошлого столетия. Основное его отличие станет заключаться в том, что незыблемый на протяжении последних трехсот лет принцип баланса сил утратит свое былое значение. Снижение вероятности конфликта между великими державами и сближение их позиций по большинству спорных международных проблем приведут к формированию альянса развитых стран, мощь которого не может быть уравновешена никаким объединением сил «периферийных» государств. Важным следствием подобной трансформации станет отказ от «демократизации» международных отношений, от учета мнения и позиций падающих и несостоявшихся государств и их поддержки и, наконец, от соглашательской политики, намеренно игнорирующей нарушения общепринятых норм и прав человека в странах «периферии», от курса на распространение оружия массового уничтожения и спонсирование террористической активности. Коалиция развитых стран сможет устанавливать нормы поведения на международной арене, а также правила, ограничивающие степень свободы правительств в отношении собственных граждан.

Очевидным отличием новой системы международных отношений от нынешней станет и восстановление системы управления падающими и несостоявшимися государствами усилиями отдельных великих держав или их коалиции. Но не с целью эксплуатации природных богатств или людских ресурсов этих стран, а ради защиты элементарных прав их граждан и предоставления им гарантий соблюдения, как таковых. Вестфальская система не уйдет в прошлое, но будет модифицироваться по мере установления приоритета прав человека над правами народов, наций и государств.

Насколько все эти прогнозы окажутся реальными, зависит от способности развитых стран координировать свою политику, подчинять свои текущие конъюнктурные цели задачам построения предсказуемого и безопасного мира. Мы не можем с уверенностью сказать сейчас, сколь сильной окажется решимость правительств этих стран двигаться по избранному пути. Но надеемся на то, что перспективное видение все же возьмет верх над сиюминутными интересами.